

Орган Кемеровского обкома и горкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся.

№ 48 (6549). ПЯТНИЦА, 11 МАРТА 1949 года. Цена 20 коп.

Молодость

(Окончание. Начало см. в № 3 марта)

IV.

Чем ближе подходишь к шахте, тем тревожнее становишься на душе у Леонида.

«Смогу ли?» — думал он. Это была не та тревога, которую испытывала выжаренный пострепанный Аленка, когда впервые отправлялся в поле прицепником: еще зимой в мастерской отца он прикинул к трактору, не закружившись даже от самых огулшающих выхлопов не сводила глаз с пауга, остающегося за собой сразу пять глубоких борозд.

Весенний ветер, пряный от запахов трав и полевых цветов, успокаивала тогда, а сейчас тревога росла.

«Какая-то она, шахта?» — слышался предоставить себе Леонид.

Может быть, ему приходилось чувствовать, что, нибудь подобное в ту незабываемую минуту, решившую участь самых юных вояк стрелков всего района? Тогда он вдыхнул полноту гудящего пороховым дымом воздуха, медленно выдохнул и поплыл на ишук черной кружочки мишени, осторожно нажал спусковой крючок. Минутная тревога растворялась в радости. Никто из ребят не выбила стол — отков Леониду дали рубашку — первую премию срезаювача.

А нынче не до прémie.

«Только бы не опозориться!» — тревожился он.

Разве сравнил бы Леонид с своей, юаннейшей тревогой перед шахтой свое вождение, пережитое в то утро, оставшееся в памяти на всю жизнь.

Кто еще из его одноклассников мог тогда управлять трактором? И не только управлять. Леонид принимал в тракторную бригаду как равного. Хоть голыми и ростом к тому времени он не вышел, но ни один трак-

торист не знал мотор лучше Леонида. Бригадир было чему удивляться: самого молодого тракториста к концу лета уже смело можно было ставить на комбайн штурвальные.

С того лета, а может, и раньше, Леонид начал быстро взрослеть. Приходилось ухаживать и за отцом, и за старшим братом, погибшим на фронте. У матери осталось пятеро, и Леонид считался опорой семьи.

Зимой — в школе, а летом — в поле. Иного выбора он не хотел. У него хватало сил выдержать любую усталость, прогнать ее от себя песней.

А сейчас — даже стыдно! — в незнакомом шахтерском городе он не мог унять непонятную тревогу. Шел и повторял про себя одно и то же:

«Смогу ли?»

Навстречу группами и в одиночку, не торопясь, шагали с шахты горняки. Иной раз слышался смех, вспыхивая огоньками в глазах, будто шутки доставляла из-за паузи кусочек солнца и освещала им лица горняков.

Леониду казалось: шахтеры видят его несмелость и посмеиваются над ним.

— Вот и шахта такая, — сказала комсорг.

— О-о. А я думал — это клуб или театр.

Леонид остановился, чтобы лучше оглядеться все вокруг. Широкая улица обрамлялась до самых стен двух-трехэтажными зданиями. Как река неведомым островом уаина разде-

1 СТРАНИЦА

Письмо работников промышленности Москвы и Московской области Председателю Совета Министров Союза ССР товарищу Сталину И. В.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Героев Социалистического Труда — передовиков сельского хозяйства второй золотой медалью «Серп и Молот».

Передова — Новый патристический почин москвичей.

Вчера в «Правде».

2 СТРАНИЦА

Партийная жизнь. Г. Виново — Настоячиво овладевать марксистско-ленинской теорией. Партийная хроника.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями передовиков сельского хозяйства Кемеровской области.

Н. Калашников — Кино в Кузбассе.

3 СТРАНИЦА

А. Шенков — Новокузнецкие железнодорожники усердно борются за оборотных средств. Миллионы летят на ветер.

А. Косарь — Молодость.

4 СТРАНИЦА

Отчет ВЦСПС на пленарном исполкоме Новокузнецкой федерации труда.

Приговор по делу шпионской группы в Богдари.

Выступления Мориса Тореза и Жана Докло. И. Пилгова — Весенняя ярмарка в Кемерове. В шахтерском физкультурном коллективе Хроника.

алется надвое, охватывает сверху и влетает к воротам шахты.

В середине цветущей поляны на высоком пьедестале — могучая, устремленная вперед фигура Кирова. Он заложил кепку в одной руке, а другую простер навстречу бесконечному потоку людей, приветствуя их.

Леонид взглянул в мужественное лицо и почувствовал, как исчезает тревога. Киров будто говорил ему:

— Смелее к цели! Любые трудности преодолимы.

V.

— Значит, в забой!

— В забой.

— Не раздумал?

— Нет.

— Хорошо. Люблю решительных.

Гермоген Иванович Богданов, инструктор, которому поручили обучать новичков, приметил среди них смельчака Леонида. Парень запомнил каждое слово шахтера, повторил точно, будто живая тень, каждое предложение инструктора.

Стойкий горняк не растолковывал вторично, как подготовит инструктор, до начала работы осмотреться и заброс, после отпаки убрать уголь и поставить крепление, Леонид по этому ходил в шахте за Гермогеном Ивановичем и тут же пробовал сам все узнавать, чтобы никогда не забыть его.

Инструктор любил Леонида, хотя внешне ничем не выдавал своего особого расположения. Учил его одинаково со всеми новичками, а журил, если приходилось, больше других.

Леонид потел и слово ловил на себе пристальный взгляд бывшего горнячка, чувствовал в его советах и расказах что-то близкое еще к детству. Только отец так просто и задушевно говорил, когда-то об охоте, о тракторе, как Гермоген Иванович о шахте.

На прощание, перед тем как отпустить Леонида в бригаду на самоизучательную работу, учитель подарил своему лучшему ученику собственный инструмент. В последний раз

вечером заправил кайло, огладил лопату, нагочил топор, а утром передал Леониду, сказав расторопнее:

— Возьми, сынок. Я доволен был инструментом. Пусть он и тебе понаучит, как хозяйну.

«Поглядели бы вы на меня сейчас», — писал Леонид на Урале матери, сестренкам и братишкам. — Я шахтером стал, уголь из-под землей умею добывать.

Он не упомянул о случае, который так было не обессадила молодого новичка-обойщика.

Это произошло на другой день после личностного прощания с Гермогеном Ивановичем. В зале, где вместе с другими шахтерами выжидала Леонид, началось такое, чего новичок никогда не видел: сверху зашуршало, тяжело стойки загрохотали, к ногам посыпались куски крова...

— Верегись! — прокатился по залу толчок.

Кто-то метнулся прочь и скрылся в темноте.

— Стой!

За первым еще стремительнее зашагал второй.

— Стой! Куда?

Госный мастер поймал беглеца за руку.

«Какой же ты шахтер?

Осветля с ног до головы испуганного Леонида, но руки не выпускал.

— Трус в шахте не работник!

— Пусть! — Леонид с силой вынул руки.

— Пусть! — Леонид с силой вынул руки. Все равно уберу!

Горный мастер молчал. Он подождал, пока лавя угомонится. Когда все вокруг стихло, осветил Леонида еще раз и сердито бросил:

— Не доржу. Иди попрощайся в дворнички, там не строгим.

Леонид ушел.

А на другой день он снова был в зале лавы. Шахтеры шалили: никто даже не намекал о вчерашнем.

Только много месяцев спустя на лаве стажеров горный мастер указал за руку уже естного навадо.

обойщика Леонида Путилова и улыбался, спросил громко, чтобы слышали друзья:

— Ну, как, бежать с шахты не боишься?

VI.

«Всюду я вселенную проискал.

Нигде я милой не нашел...»

Песня неслась над головами шахтеров, заполняя комнату, через открытое окно вылетала во двор, где толпились ребята и девчушки с соседней улицы. Леонид умолял только одного, чтобы переключили.

Песню и баллисту аплодировала, не жалея ладоней. Он шутя раскалил пальцы и в ответ из носогубные хлопья бросил пальцами на просушенные ладони балны, начиная новую песню. За «Ямщиком» — «Гарносъ», за ней — «Дорогой».

— Гайди, какой, — шептались под окном девушки. — Ратьше был справный, а теперь все не узнать. И пост эвонче пренежно...

На них зашикали со всех сторон. Девушки умоляли. Но через минуту маловая, с черной до лоса косой, снова заговорила вполголоса.

— Недавно приехал к нам на рудник, а уже выучился на шахтера...

Песня то улетала, взвивая жабу, рожком, то соловьем знавалась где-то рядом, то шептала сердцем, то бодрела и звала.

Леониду хотелось, чтобы друзья почувствовали в его песне все, что он видел и любил: и степенность уральцев, и стойкий горняцкий говор, и задушевую, не знающую меры, шахтерскую дружбу.

Песню Леонида горнячки слышали не только в обмолкании...

Однажды, обходя свой участок, горный мастер внезапно остановился. Он сделал несколько шагов и опять затона дымчине:

— Песня? Под землей песня!

Она звучала глуховато, но беспрерывно. Богдостью разливалась по телу. Казалось, вентиляторы вдыхали в шахту осенний воздух.

Когда же на штрече показались

шахтеры, горный мастер притворно сурово спросил:

— Что за птшка заведась в вашей бригаде? Ноди все деаб пропала? Но у ребят, — это шлал комсомолец, — не было причин гутаться горного мастера.

— Лучше нашей птшки — покажите надо. — Шахтеры не скрывали своей гордости.

— Поделитесь птшкой в родительское гнездо, на Урале, первое место в районе выла, почтительную грамоту за лениво изучала.

— Покажишь-ка, птшка!

Ребята захохотали, Леонид шагнул вперед и остановился перед горным мастером.

— Старый знакомый, — узнал он вылаво-обойщика. — Если и работаешь так, как песня, не одна почтенная грамота твоей будет.

— Можно проверить, — вмешался комсорг. — Наш Толмачовский пасть — в крепких руках Ребяты, сама знаешь, какие, а никто Леонида оббить не может. Мы — поаторы нормы, Леонид — две. Поручимся с ним — он оляте вперед уйдет. Сколько ни билась, ничего не вышло. У Леонида все равно уголька больше нашего.

Собирались ехать в Кемерове на конференцию — в честь этого он выиграл без малом два месяца в оики непопаны. Теперь готовит подарок с'езду комсомола — совсем не успеть, — Леонидом.

— Вы бы в забой к нему сходили, поучались, — совсвала комсоргу горный мастер.

— Колиам, Гайдела, Ничего особенного. Вот только песня всегда с ним.

Молодой шахтер прищурив левый глаз, правым заглянул в хитрую улыбку бывшего мастера.

— Песня ему помогает — не иначе. Как вы думаете?..

По штрече, заглушая длающие раскаты взрывов, полетел звонкий голос парня с Урала под о Кузбассе.

А. КОСАРЬ

з. Ленинск-Кузнецкий.